

В.И. ВЕРХОВНЫ

Опыт интерпретации монетарных стереотипов в русском фольклоре

"Фольклорный пласт" - одна из самых древних культурно-языковых систем, включающая все элементы народного бытового мышления и методы его выражения. Он содержит уникальную архаическую поэтику, множество емких смысловых формул, сжатых до уровня метафоры. Это своеобразный накопитель народной мудрости, кристаллизующийся в течение столетий и отражающий различные аспекты быденной жизни многих поколений.

При анализе содержания русских народных пословиц поражаешься их своеобразию, смысловой полифоничности, полифункциональности. Это и притчи утилитарно-прагматического характера, емкие формулы, объясняющие многое в социальной жизни, консерванты религиозного опыта, моральные сентенции и поучения, метафорические изречения, резюмирующие и вечные истины бытия, и многочисленные "практические рецепты" поведения, передаваемые другим в качестве назидания. Следует учесть, что они, как правило, произносились к месту как констатация, вывод из какой-либо бытовой ситуации, принимая форму схематизмов, целостных вербальных выражений. За их речевой и метафорической оболочкой скрываются многочисленные социальные стереотипы, которые объективировались в некое множество традиционных языковых когнитивно-смысловых конструкций, понятных всем.

Метафорические формулы народного бытового сознания и поведения выполняли ряд функций (прагматических, дидактических, эстетико-поэтических, коммуникативных, этических и т.п.). Они могли произноситься в различной тональности с определенной долей юмора и с определенной долей пафоса, применительно к конкретному социальному контексту, а также с целью демонстрации красноречия. Оценочно-модальный диапазон (шкала) этих выражений постоянно изменял свою "полярность": все зависело от того, кто и в какой ситуации их произносил. Можно предположить, что в фольклорном материале концентрированно выражены философия и прагматика многих безымянных авторов, в известном смысле не уступающих мудрости научного знания.

В данном контексте нас интересует один частный аспект этой "вселенной" народной мудрости: утилитарно-экономический. Можно привести множество примеров и доказательств наличия так называемых экономических стереотипов быденного народного сознания. В них "заложены" традиционные технологии "оптимизации" социального поведения. Многие фольклорные формы (пословицы, поговорки) выступают носителями рационального по сути и метафорического по форме значения, в котором отражены "технологии", методы оценки и калькуляции разных социальных действий.

Обратимся к интерпретации рационального содержания, которое скрывается за метафорическо-речевой оболочкой пословиц и поговорок, собранных В. Далем. Анализ дает возможность констатировать фундаментальные принципы экономического мышления и поведения, на которые опирались и которым следовали широкие слои

В е р х о в н и Владимир Исакович - кандидат философских наук, доцент социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

населения России. Типология и классификация не говорят о том, что эти принципы и их неявное знание могут быть реконструированы в определенной концептуальной полноте. Частичная реконструкция - лишь доказательство наличия рациональных элементов в обыденном народном прагматическом поведении и мышлении. Они зафиксированы в многообразных навыках и стереотипах, которые приобретаются и передаются традиционно-опытным путем от поколения к поколению.

Первое, что бросается в глаза исследователя, - достаточно четкое и однозначное вычленение различных ограничений и лимитов человеческого поведения, в том числе экономического, как в плане наличных ресурсов, так и в плане возможностей и альтернатив его реализации.

Эти методы зафиксированы в специфической фольклорной форме. Их наличие также указывает на то, что рациональные элементы социального поведения присутствовали у всех слоев населения России, в том числе по преимуществу неграмотного и невежественного крестьянства.

Таким образом, наивное экономическое мышление, отраженное в фольклорном материале, содержит в себе (явно или неявно) многочисленные рациональные элементы хозяйственно-экономической жизни с учетом: 1) оценки и калькуляции условий, в которых приходится действовать; 2) способов и методов достижения жизненно важных целей; 3) расчета и выбора возможностей и альтернатив экономического поведения.

В структуре этой "наивной экономики" четко прослеживаются и выделяются методы оптимизации выгоды (пользы), классические элементы социально-экономического (рыночного) обмена, а также институты, которые их обеспечивают. Среди них: деньги и их функции, механизмы "спроса-предложения", категории "затраты-возмещения", "накопления", "сбережения", методы калькуляции выгоды, элементы наивного баланса и учета, института собственности и т.п.

Основные категории экономической теории в явном или неявном виде присутствуют в фольклорном метафорическом мышлении, отражаясь в различных по содержанию и форме пословицах и поговорках. Например, деньги. Обилие оттенков и нюансов их смысловой интерпретации громадно. Можно зафиксировать все функции денег, выделяемые в экономической теории: как средство обмена, как средство накопления, как мера стоимости, как средство эквивалентного сравнения ценностей, расчета и калькуляции при товарном обмене и т.п. Причем, деньги интерпретируются не только как рациональный институт социально-экономического обмена, его ценовой и численный масштаб, но и как универсальная ценность, как средство замещения благ, как символ богатства. Они понимаются не только в их рациональной ипостаси, но интерпретируются в широком диапазоне модальностей человеческого поведения в целом: как добро и зло, удовольствие и неудовольствие, радость и горе. В пословицах и поговорках фиксируются феномены эквивалентности, симметричности и экстенсивности (делимости) денег и даже отдельные нюансы маржинализма.

Деньги выступают также в качестве оценочно-стратификационной категории, как средство социального влияния и власти, институт дозирования, распределения благ и привилегий.

Из всего многообразия смыслов, смысловых форм и ассоциаций, зафиксированных в русских пословицах и поговорках, касающихся института денег, можно вывести функциональные свойства, регулирующие различные сферы человеческой жизни в широком диапазоне модальных значений. Это касается разных видов социального поведения и их модификаций (рациональных, традиционных, эмоциональных и т.п.). Не обращаясь к специальным источникам, а имея перед собой лишь соответствующим образом подобранный фольклорный материал, можно построить, а точнее, реконструировать своеобразную "социологию денег", которая была сформирована в рамках традиционного народного сознания и поведения.

Сформулируем отдельные ее аспекты, рассматривая определенные "смысловые слои", опираясь на конкретные примеры интерпретаций некоторых метафорически-языковых выражений, собранных Далем.

1. Деньги - всеобщая покупательная способность, средство достижения (получения) благ, товар, пользующийся абсолютным спросом.

- 1.1. "Денежка дорожку прокладывает" [1, с. 145].
- 1.2. "После Бога - деньги первые" [1, с. 149].
- 1.3. "Нет товару супротив истинника" (т.е. денег) [1, с. 149].
- 1.4. "На этот товар всегда есть запрос" [1, с. 143].
- 1.5. "На деньгах нет знаку" [1, с. 145].
- 1.6. "Родись, крепись, женись, умирай - за все денежку отдай" [1, с. 145].
- 1.7. "Стоит крикнуть, да денежкой брякнуть - все будет" [1, с. 147].
- 1.8. "Были бы побрякунчики, будут и поплясунчики" [1, с. 147].
- 1.9. "Были бы бумажки, будут и милашки" [1, с. 148].

- 1.10. "Эхма! Кабы денег тьма, купил бы деревеньку, да зажил бы помаленьку" [1, с. 177].
- 1.11. "Что милей ста рублей? Двести" [1, с. 156].

Первый "смысловой пласт", который мы выделили, пытаюсь проинтерпретировать приведенные выражения, - это универсальность денег как всеобщей покупательной способности. Незримый, но общезначимый феномен денег пронизывает их все, в то же время в каждом он обретает определенное качество, конкретизируется, проявляясь как некое функциональное свойство, дозирующее социальные действия различного класса и порядка. Это своеобразный "дамоклов меч" социального бытия, нависающий над каждым действием и поступком как неизбежность и необходимость их рационального дозирования, проявляется практически в любой ситуации, альтернативы и возможности разрешения которой неизбежно "упираются" в феномен денег. Модальность их по отношению к различным видам человеческого поведения настолько интенционально многовариантна, что становится средством и предпосылкой принятия решений на любом, даже элементарном уровне.

Это касается не только рациональных хозяйственных действий, вариативность которых связана с расчетом альтернатив и калькуляцией имеющихся ресурсов, но и многих других, в том числе традиционных и эмоциональных. В структуре последних неявно присутствуют деньги, лимитирующие и нормирующие пределы их реализации.

Деньги - своеобразные стены "рационального тоннеля", прикосновение к которым указывает направление и порядок движения.

Поскольку приведенные выше пословицы в рамках единого смыслового контекста обладают поливалентностью и многозначностью, улавливаемый смысл не выстраивается в четкую схему. В зависимости от ракурса и появляющихся ассоциаций он изменяется, приоткрывая новые "смысловые пласты", новые "смысловые измерения". Это объясняется тем, что анализируемые "метафорические формы" могут произноситься в различной тональности, структурироваться в различной поэтической и эмоционально-речевой оболочке. Одни ближе к изречениям назидательного типа, другие имеют интонации полушутки, полупритчи, третьи носят залихватский характер, четвертые произносятся как печальная сентенция.

Другие же "смысловые пласты" начинают терять свою всеобщность, сужаться, охватывая все меньше и меньше анализируемых речевых единиц. Это происходит до тех пор, пока они не расходятся в противоположных направлениях, демонстрируя диалектику, полярность народной мудрости. Последняя проявляется как некое противопоставление единичных уникальных смысловых единиц, не имеющих аналога, и универсальных, общезначимых изречений и констатаций. Очень важно подчеркнуть, что выделяемые и интерпретируемые смысловые пласты в значительной степени зависят от аналитического воображения и теоретических предпочтений исследователя. Попытаемся показать это на конкретных примерах:

"Денежка дорожку прокладывает".

"После Бога - деньги первые".

"Нет товару супротив истинника" (т.е. денег).

Приведенные выражения прежде всего указывают на деньги как средство реализации социальных альтернатив и возможностей, с помощью которых достигаются различные цели, как инструмент прагматического решения социальных задач. Их констатирующий пафос несет в себе другой, не менее важный смысл: любая цель требует средств для ее реализации, т.е. беззатратных моделей достижения искомого результата не существует. Из этого вытекает следующий смысловой контекст, связанный с констатацией необходимости получения блага (инструментальной ценности) в пользование, владение, распоряжение. Кроме того, деньги занимают в иерархии прагматических ценностей доминирующую роль, выступая в качестве универсального стоимостного эквивалента всех прочих благ.

Вышеуказанные смысловые контексты дополняются еще одним оттенком ("На этот товар всегда запрос"), который трансформируется в универсальное утверждение о всеобщности спроса на деньги, о всеобщности человеческих притязаний на их универсальную ценность. Другой смысловой оттенок, который выделяется в этой формуле, демонстрирует специфические качества денег как средства обмена и соизмерения предельных норм замещения благ.

"На деньгах нет знака". Здесь еще раз подтверждается особое качество денег как универсального товара, ценности, не ограниченной предметно-потребностной спецификой (потребительской стоимостью, полезностью) других экономических ценностей, находящаяся в обороте. Они релятивны по отношению к деньгам и к тому, кто оценивает стоимость различных благ с их помощью. Таким образом, свойство денег как всеобщей покупательной способности, института оценивания и дозирования благ подтверждается примером их "надтоварной" ценности, "стоимостной общезначимости", вне зависимости от того, в распоряжении кого, где они находятся.

"Родись, крепись, женись, умирай - за все денежку отдай". Данная форма вскрывает совершенно иной контекст универсальности и всеобщности денег, которые как важнейший элемент включены во все фазы жизненного цикла человека от его начала до конца. Этот социально-экономический институт дозирует, нормирует, оценивает временные ресурсы индивидов (время - деньги), напоминая о том, что за все надо платить в прямом и в переносном смысле.

"Стоит крякнуть, да денежкой брякнуть - все будет".

"Были бы побрякунчики, будут и поплясунчики".

"Были бы бумажки, будут и милашки".

"Эхма! Кабы денег тьма, купил бы деревеньку, да зажил бы помаленьку".

Эти выражения однопорядковы по смыслу, но различны по интонациям. Во-первых, они однозначно указывают на всеобщность денег как средство получения благ, иллюстрируя это посредством использования примитивной речевой импликации, вторая часть которой вытекает из первой при условии, если первая часть выражения истинна. Во-вторых, в них в разной степени представлены желательность и возможность достижения искомого результата: и как трезвая констатация факта, и как горький намек на недостижимость благ и причину этого, и как ироническое пожелание, мечта, фантазия. В-третьих, в импликациях неявно заключена часть классической формулы "деньги - товар", а так же полуфункциональность денег как всеобщей покупательной способности.

2. Деньги - средство калькуляции, расчета, институт рационального дозирования и распределения благ в соответствии с их ценностью.

2.1. "Деньги счет любят" [1, с. 155].

2.2. "Не считанной тысячи в итоге нет" [1, с. 155].

2.3. "Деньги счетом крепки" [1, с. 155].

2.4. "Сосчитать - после не хлопотать" [1, с. 155].

2.5. "В рубле копейки нет, так и не полон рубль" [1, с. 211].

2.6. "Не ворохом деньги принимают. Счесть, да после сгрести" [1, с. 155].

2.7. "Не штука деньги, штука - разум" [1, с. 156].

2.8. "Рубль голову стережет" [1, с. 211].

2.9. "Деньги - брелок" [1, с. 155].

2.10. "Деньги счет любят, а хлеб - меру" [2, с. 435].

2.11. "Не в счете деньги, а в цене" [2, с. 451].

Основной смысл этих выражений - универсальность денег как меры стоимости, как рационального института дозирования и калькуляции благ, в котором имманентно заложены количественные методы их измерения и оценки. Практически институт денег - правила и процедуры учета, расчета и счета, повсеместно применяемые в процессах товарного обмена, подведения баланса ресурсов любых, самых простейших хозяйственных действий.

Количественная оценка человеческих действий и их результатов, осуществляемая с помощью денег, открывает пространство рациональных математических методов для анализа. Они детерминируют на любом, даже примитивном бытовом уровне лимиты и пределы затрат, дозируют средства и ресурсы их реализации в соответствии с имеющимися возможностями.

Таким образом, деньги, как бы мы к ним не относились, являются рациональным "дозиметром" социальных действий, напоминанием о неограниченности человеческих ресурсов и о необходимости их рационального использования.

Рациональность института денег, которая в определенном смысле выше индивидуального человеческого разума, констатируется и безусловно подчеркивается: "рубль голову стережет".

Естественно, гамма смысловых интерпретаций приведенных выражений очень разнообразна, богата множеством оттенков и смысловых нюансов. В частности, количественное измерение благ, осуществляемое с помощью денег, соотносимо с ценностью (ценой) этих благ. Это соотношение может изменяться. Отсюда вытекает, что сам по себе счет денег в товарном обмене эквивалентен ценности тех благ, которые являются предметом обмена. Однако и сами деньги как универсальное средство накопления, обмена и всеобщий эквивалент выступают субститутом реальных благ. Они могут быть самостоятельным объектом человеческих вожделений, потребительских фантазий и грез, часто в форме дурной бесконечности: "Что милее ста рублей? Двести" и т.д.

Деньги как мера и средство счета "заложены" в универсальных навыках и стереотипах многих действий человека. Лапидарная, хорошо известная истина "Деньги счет любят" скрывает не всегда очевидные смысловые пласты и, соответственно, специфические характеристики и функции денег, которые не лежат на "поверхности здравого смысла". Последнее выражение раскрывает интерактивную особенность денег как средства взаиморасчета ценностями в процессе социально-экономического обмена.

"Деньги счет любят" не только потому, что неумение считать приводит к их утрате и лишению эквивалентного количества благ, а потому, что сам факт счета предполагает наличие другой стороны, т.е. партнера. Он (счет) является аргументом в пользу правильности и справедливости обмена, констатирующей операцией расчета, купли-продажи, кредитования и т.п., которая демонстрирует обязательства и претензии сторон. Это прозрачный аргумент в пользу или в защиту эквивалентного обмена, обеспечивающий справедливую его меру, метод универсальной апелляции к ошибкам партнера, не требующий дополнительных доказательств. Процедуры денежного взаиморасчета приводят к "общему знаменателю" и согласию любые стороны социально-экономического обмена. Если они, конечно, склонны соблюдать принятые правила поведения, а свои претензии и обязательства синхронизировать с рациональными аргументами другой стороны.

Еще один смысловой пласт, вытекающий из выражений типа "Не в счете деньги, а в цене", показывает, что количественно-оценочная функция денег предъявляет соответствующие требования к их пользователям. Они предполагают, во-первых, применение рациональных навыков операций с числами, без которых невозможно калькулировать и измерять эквивалентность обмена; во-вторых, навыков оценивания

обмениваемых и приобретаемых благ с помощью сопоставления их цен, выраженных в деньгах. Причем эти требования жестко однозначны, не допускают компромиссов и небрежности, которые приводят к утрате благ, а также надежд и альтернатив, с ними связанных. Далее. Сам счет денег не является чисто количественной абстракцией, "холодным" континуумом математических величин. Он соизмерим с полезностью, ценностью благ, определяемых ценовыми сигналами рынка, изменяющимися в результате спроса-предложения и самих денег, и благ, которые ими измеряются.

Завершающий элемент интерпретации этих выражений - апелляция к разуму, который, оперируя деньгами как неким числовым масштабом, способен калькулировать, взвешивать, балансировать наличные блага, учитывать их приход и расход, соизмеряя их стоимостные, полезные и иные свойства в соответствии с ценовой мерой, выраженной в деньгах.

Таким образом, инструментальность денег как средства счета, расчета и оценивания благ в процессе их обмена - необходимая эмпирическая база для рациональных операций с благами и их ценами, унифицированный элемент синхронизации многочисленных, субъективно несоизмеримых индивидуальных интересов и потребностей, приводящих их к "общему знаменателю" (Ф. Хайек).

3. Деньги - лимитирующий фактор взаиморасчетов между людьми, средство оценивания кредитно-долговых, договорных отношений и обязательств в процессе социально-экономического обмена.

- 3.1. "Дружба дружбой, а денежкам счет" [2, с. 435].
- 3.2. "Денежки не родня" [2, с. 435].
- 3.3. "Друга не теряй, денег не давай" [2, с. 458].
- 3.4. "Дать денег в долг, а порукой будет волк" [2, с. 458].
- 3.5. "Тяжба на деньги, потрава на траве" [1, с. 320].
- 3.6. "Федюшке дали денежку, а он и алтын просит" [1, с. 257].
- 3.7. "В душу вьется, а в карман лезет" [1, с. 305].
- 3.8. "Речист, да на руку не чист" [1, с. 316].
- 3.9. "Я тебя выручил, а ты меня выучил" [1, с. 259].
- ЗЛО. "Чужие денежки ночью хлеб едят" [2, с. 454].
- 3.11. "Чужие денежки зубасты" [2, с. 454].
- 3.12. "Чужие денежки свои проедают" [2, с. 454].

Наиболее существенное, что можно выделить в смысловой гамме этих выражений, - действие многофункционального механизма взаимообмена ценностями, обусловленного деньгами. Здесь деньги являются расчетно-аналитическим, лимитирующим и оценочным средством, связывающим контрактно-договорные отношения между людьми. Очевидно, в данном случае речь идет не об институте контрактных отношений в его развитом виде, а о многочисленных, спонтанно возникающих формах взаимообмена, в которых деньги играют важную роль как средство скрепления взаимоотношений и взаиморасчетов между людьми.

Естественно, "чистый" смысл, который мы пытаемся выделить, скрывается за фольклорно-метафорической формой богатейшего иллюстративного материала, демонстрирующего на быденном уровне то, как не надо действовать в подобных ситуациях. На конкретных примерах, вызывающих многочисленные ассоциации, раскрываются технологии и правила взаимообмена ценностями (деньгами), которые предполагают:

- устранение эмоциональных и т.п. элементов из договорных отношений;
- минимизацию стихийно-перераспределительных аффектов, возникающих на стартовых этапах экономического обмена;
- рациональное ограничение "максимизационного эгоизма" сторон.

Наиболее интересен эмоциональный фон, который всегда сопровождает движение денег, причем на любом уровне обмена этим универсальным ресурсом. Приведенные выражения это прекрасно иллюстрируют, демонстрируя социально-психологическую "материю", казалось бы, безличных денежных отношений. Они, с одной стороны,

требуют холодного рассудка и расчета, а с другой - никогда не гарантируют того, что волна эмоционально-аффективных проявлений и вожделений, которая за ними стоит, не выплеснется за рамки необходимых ограничений. Это может привести и часто приводит к нарушению эквивалентности обмена с той или другой стороны.

Интерпретируя данные выражения, можно обнаружить, во-первых, множество нюансов, демонстрирующих структуру обменного цикла и требования к субъектам монетарного поведения (осторожность, недоверие к пустым обещаниям и посулам, необходимость страхования рисков и предоставления гарантий), и, во-вторых, результаты, которые получаются, если требования не соблюдаются.

Последние три выражения представляют собой фольклорную вербализацию несимметричности ссудных отношений между заемщиками (в нашем случае из числа крестьян и ремесленников) и их кредиторами (купцами, откупщиками налогов и ростовщиками), а также эмоциональную констатацию неотвратимости выполнения долговых обязательств и неизбежности нарастающих процентов в случае их отсрочки и непогашения в срок. Это и горький опыт многих поколений, прошедших через унижительную процедуру займов и выплаты долгов, и предостережение жить и хозяйствовать "по промыслу и добытку", и бесстрастная констатация законов и принципов действия самого древнего кредитно-денежного института - ростовщичества.

4. Деньги - средство торга, расчета, контроля и оценки эквивалентности товарного обмена.

- 4.1. "На торгу деньга проказлива" [2, с. 444].
- 4.2. "Тот купец, у кого деньги налицо" [2, с. 442].
- 4.3. "Продал на деньгу, а проел на алтын" [2, с. 440].
- 4.4. "Торгу на три алтына, а долгу на пять" [2, с. 441].
- 4.5. "Денег много взято, а барыша нет" [2, с. 438].
- 4.6. "За спрос денег не берут" [1, с. 451].
- 4.7. "Ставь себя в рубль, да не клади меня в деньгу" [1, с. 368].

В этих выражениях раскрываются различные стороны товарно-денежного обмена между людьми, отраженные в живом восприятии, социальном опыте многих поколений, прошедших через горнило хорошо известного и многократно описанного в художественной литературе самобытного экономического института - российского базара (ярмарки).

Особенно интересен зафиксированный здесь в вербализированной фольклорной форме опыт торга (естественно, с использованием денег), наполненный полярными эмоциями, интересами и страстями, удовольствиями и разочарованиями, горькими слезами и радостями, алчностью и простодушием, наивным доверием и корыстным расчетом. Перед глазами возникают персонажи:

- оборотистых купцов-монополистов, не желающих жить в условиях рынка совершенной конкуренции и путем сговора и других приемов державших в руках цены, мелких торговцев и наивных обывателей;

- разухабистых базарных воров, мастеров лихих редиистрибуций;
- хитроумных приказчиков-завывал, ловких профессионалов коммерческих дискуссий, искусных демагогов и очковтирателей;
- городских, наводящих на вверенной им территории строгий порядок "в свой карман";

- вертлявых цыган, сбывающих краденных лошадей;
- крепких мужиков, бьющих по рукам;
- ростовщиков и менял с холодными глазами;
- плачущих пьяных крестьян, пропивших свои барыши;
- ветхих старушек, торгующих мелочью;
- придурковатых нищих, просящих подаюния, и прочую публику, максимизирующую различными способами и средствами свою выгоду.

И вся эта пестрая картина может быть описана одной-единственной фразой: "на торгу деньга проказлива".

Торг - определенная форма экономического обмена, в структуру которого входит множество составляющих: деньги; цены; товары, которые продаются и покупаются; конъюнктура рынка, отражающая конкретные ситуации спроса-предложения в определенном месте и в определенное время; покупатели, которые выбирают (спрашивают) товар; продавцы, которые его предлагают; бесконечные дуальные единицы товарного обмена, их цепочки и комбинации, скрепленные краткосрочными и долгосрочными интересами; никому не видимые и возникающие в голове каждого участника обмена предпочтения, решения; максимизационные намерения, связанные с альтернативами экономического выбора. Перечислять можно до бесконечности - настолько богата и многофункциональна структура товарно-денежного обмена, представляющая стохастическое пространство связей и взаимодействий множества людей, преследующих собственные интересы, порождающая универсальные тенденции и закономерности рыночного порядка.

Восприятие этого порядка чрезвычайно разнородно. На уровне обыденного, традиционного сознания и повседневного опыта людей оно дискретно и неопределенно по смыслу, редко кто может вразумительно его объяснить. Очевидно, дошедший до нас из глубины веков "фольклорный пласт" накопил эту мозаику дискретных и индивидуальных восприятий множества людей и поколений, из которых выкристаллизировались уникальные речевые конструкции.

Представляется возможным выделить и перевести на современный язык следующие смысловые слои, которые содержатся в сжатом виде в этой емкой формуле:

- товарный обмен требует рационального расчета вариантов, альтернатив и выгод как с той, так и с другой стороны, достижения на этой основе ценового согласия по поводу обмениваемых ценностей (благ);

- это игра аргументов, предложений и предположений, обязательств и доказательств, тактических уступок и стратегических выгод, где никто не хочет проиграть, но всегда кто-то остается в накладе;

- колебания рыночных цен, часто не зависящие от желания сторон, сводят на нет, казалось бы, рациональные предположения и расчеты. Каждая сторона товарного обмена постоянно рискует, находясь в положении неопределенности;

- ценовая информация, которой располагают торгующие стороны, асимметрична (неравномерна). Это приводит к тому, что неоправданные предположения и необоснованные ожидания выгоды оборачиваются оплошностью, ошибками и убытками;

- договорные отношения сторон после заключения сделок, связанные с этим денежные обязательства и выплаты часто находятся в состоянии неопределенности, что вызывает гамму противоречивых чувств, ожиданий, сомнений и разочарований;

- заключение обменных (торговых) сделок как на бытовом (потребительском), так и на профессиональном уровне сопровождается просчетом предполагаемых выгод и убытков, в ходе которого пускаются в оборот различные ухищрения и приемы, приводятся аргументы и контраргументы в пользу выгоды и невыгоды сделки.

Наиболее колоритен базарный торг, сопровождающийся многочисленными клятвами и заверениями, божбой, битием в грудь и бросанием шапок, демонстративными уходами и возвращениями, бесчисленными имитациями восхищения, восторга или горести по поводу упущенной выгоды ради якобы бескорыстного блага для другой стороны. В то же время за этим эмоционально-речевым камуфляжем скрываются пристальное внимание, наблюдение, ловля друг друга на ошибках и просчетах, чтобы мгновенно воспользоваться чужой оплошностью.

Процесс массового базарного торга наиболее эмоционален и доступен для наблюдения. Это не заключение конфиденциальной сделки двух прожженных профессионалов, внешне уважаемых и изысканно-лояльных по отношению друг к другу, каждый из которых скрупулезно просчитывает нюансы собственной выгоды.

В выражениях, представленных ниже, демонстрируются различные смысловые элементы товарно-денежного обмена, которые можно проинтерпретировать следующим образом. Во-первых, как необходимость иметь оборотные средства в коммерческих операциях: "Тот купец, у которого деньги налицо". Во-вторых, как примеры отрицательного сальдо экономического обмена, которые возможны при некомпетентных коммерческих сделках и неумении калькулировать затраты и возмещения: "Продал на деньгу, а проел на алтын", "Торгу на три алтына, а долгу на пять". В-третьих, как констатация относительности доходной и расходной частей коммерческой сделки и требование компетентного распоряжения оборотными средствами: "Денег много взято, а барышей нет". В-четвертых, как право сторон прицениваться к товару друг друга и предъявлять свои претензии и требования с целью увеличения или уменьшения его цены и минимизации выгоды партнера: "За спрос денег не берут". В-пятых, как пример обязательного паритета, равенства сторон при заключении и проведении коммерческих сделок: "Ставь себя в рубль, да не клади меня в деньгу".

Последнее выражение особенно интересно. Оно иллюстрирует необходимость исходноравного статуса двух обменивающихся сторон, так как это предпосылка совершения любой сделки. Следует отметить, что сам факт обмена предполагает взаимный интерес, делающий временно (какими бы разными реальными статусами не обладали партнеры) симметричным их положение по отношению друг к другу на основе выгод, которыми они предполагают обмениваться. Таким образом, намерение совершить товарно-денежный обмен (продать, купить что-либо) "выравнивает" партнеров в данный конкретный промежуток времени тем балансом интересов, которые они преследуют. Эта полярность и одновременно взаимозависимость интересов обязывает их в стартовой ситуации (фазе) экономического обмена устанавливать определенный "тон" взаимоотношений. Он предполагает заинтересованное, доверительное отношение друг к другу, без которого сделка просто не может состояться. Другое дело, что в процессе торга, коммерческих аргументов обнаруживаются преимущества или слабости одной из сторон, их компетентность или некомпетентность при защите своих интересов. В результате обмен может просто не состояться, быть эквивалентным для обеих сторон, неэквивалентным для одной из них.

5. Деньги - средство измерения товарной и потребительской ценности находящихся в собственности благ и рациональной калькуляции дистрибутивных и хозяйственных моделей экономического поведения.

- 5.1. "Всего веселее свои денежки считать" [1, с. 143].
- 5.2. "Чужие деньги считать - не разбогатеть" [1, с. 174].
- 5.3. "Без хозяина деньги черепки" [1, с. 156].
- 5.4. "Добрый хозяин - господин деньгам, а плохой - слуга" [1, с. 197].
- 5.5. "Избытку убожество ближний сосед" [1, с. 189].
- 5.6. "Деньги пух, только дунь на них - и нет" [1, с. 156].
- 5.7. "Легче прожить деньги, чем нажить" [1, с. 208].

Первые два выражения - диалектическая констатация дискретности денег и измеряемых ими благ, которые не могут быть в абсолютно свободном обращении, а всегда кому-то принадлежат, т.е. находятся в собственности. Именно это обеспечивает обязательное закрепление благ (экономических ценностей) за кем-либо, а также свободный обмен ими по бесконечной сети распределения, где множество субъектов перманентно приобретают и теряют право контроля над теми или иными экономическими ресурсами. Таким образом, "свое" и "чужое" - конкретная эмпирическая констатация факта обладания, за которым стоит институт собственности, обеспечивающий, во-первых, функционально и нормативно процесс живого присвоения благ и денег; и, во-вторых, вытекающий отсюда процесс их редиистрибуции от одного пользователя к другому, в соответствии с предпочтениями и интересами их владельцев.

В первом случае постулируется рациональное пользование благами и их эквивалентами в рамках института собственности: "Добрый хозяин - господин деньгам, а

плохой - слуга". Во втором - относительность и временность их нахождения в собственности конкретных субъектов: "Избытку убожество ближний сосед". Разумеется, смысловой контекст последнего выражения достаточно экстремален, в форме философской сентенции он указывает на относительность богатства и обладания им. Тем не менее это лишь крайний случай из множества фактов социально-экономического обмена, когда люди перманентно лишаются (по своей воле или нет) права контроля над одними благами с целью приобретения права контроля над другими.

Очевидное и переживаемое всеми на уровне повседневного опыта эфемерное возникновение и исчезновение денег: "Деньги пух, только дунь на них - и нет", лишь проявление их глубинной сущности как транзитного средства обмена. Они - некая неуловимая субстанция, переходящая из рук в руки. Их главная сила не в бессмысленном накоплении, но в обменных операциях, рациональное проведение которых может обеспечить прирост благ и выгод. Хотя существует множество примеров иного рода, которые демонстрируют то, как не надо поступать с деньгами.

Весьма поучительно следующее изречение: "Легче прожить деньги, чем нажить". Это рациональная констатация того, что удовольствие тратить ликвидные средства не может быть эквивалентно усилиям, направляемым на получение определенного дохода. Деньги, имеющиеся в распоряжении, для абсолютного большинства людей - следствие затрат собственных ресурсов, плата за усилия в прошлом. Таким образом, траты денежных средств дозируются в соответствии с калькуляцией затрат, связанных с их накоплением.

Мы привели лишь несколько примеров возможной интерпретации природы и функций денег, отраженных в русских пословицах и поговорках. Метод рациональной реконструкции их значений и смыслов позволяет по-новому взглянуть на действие наиболее абстрактного института современной цивилизации, через который опосредуются самые общие, косвенные, отдаленные и чувственно не воспринимаемые последствия индивидуальных действий и благодаря которому становится возможным и расширенный порядок человеческого сотрудничества, и осуществление всех расчетов в единицах рыночных ценностей [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 3 т. Т. 1. М., 1994.
2. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 3 т. Т. 2. М., 1994.
3. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 176-181.

© В. Верховин, 1997